

Е.В. Головнева, И.А. Головнев

ОПЫТЫ ИЗУЧЕНИЯ И ВИЗУАЛИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОСТИ В ЧУВАШИИ В УСЛОВИЯХ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ 1920–1930-Х ГГ.*

Рассматриваются преломления советской атеистической политики и особенности реализации антирелигиозной кампании в национальных республиках в 1920–1930-е гг. на примере Чувашии. На основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов показано, что в Чувашской Республике сохранялся высокий уровень бытовой религиозности, представленный спектром религиозных «пережитков». Отмечается, что низкая эффективность прямой агитации в условиях устойчивого религиозного синкретизма и сложного религиозного ландшафта в многоконфессиональных регионах СССР, к которым относилась Чувашия, вынудила идеологов власти менять тактику, активизируя ресурсы научного атеизма. Ключевым инструментом новой стратегии стало подробное академическое изучение текущего состояния конфессий Советского Союза, инициированное из центра (ленинградская научно-исследовательская секция Н.М. Маторина) и реализовавшееся в регионах силами местных краеведов. Не случайно особое развитие в 1920–1930-х гг. получила практика составления религиозно-бытовых карт – важное направление в академическом изучении и картировании религиозных объектов. В этой связи авторы обращаются к феномену религиозного картографирования как технологии освоения, контроля и последующего подавления религиозной жизни. Активным проводником этого направления, объединявшего исследовательские и идеологические задачи, в Чувашии стал этнограф К.В. Элле (1896–1974) – участник маторинской научно-исследовательской группы, чья деятельность по созданию каталогов и карт объектов историко-культурного наследия (на примере карты киреметей) реконструируется по архивным источникам. Делается вывод о том, что практика картографирования религиозных объектов в Чувашии в 1920–1930-х гг., изначально задуманная как инструмент сохранения уникальных религиозно-культурных локаций и практик для науки, в то же время работала как точный пространственный ориентир для их последующей ликвидации в рамках политики «культурной революции». Кроме того, в силу репрессивной политики государства в отношении ученых-религиоведов в середине 1930-х гг. и сворачивания академических исследований в области религиоведения эта работа не получила должного развития и не стала эффективным инструментом антирелигиозной кампании. Однако реализация имевших место опытов картографирования религиозных объектов, ставшая значимым экспериментальным этапом в осуществлении атеистической политики в СССР, имеет разноплановую информативную ценность для осмысления сложных феноменов советского идеологического строительства.

Ключевые слова: *религиоведческие исследования, советская антирелигиозная пропаганда, культурная революция, визуальная политика, религиозное картографирование, Чувашия, Н.М. Маторин, К.В. Элле*

Благодарности: Авторы выражают благодарность за содействие в проведении исследования Кlementьеву В.Н. и сотрудникам НА ЧГИГН.

Введение

Несмотря на значительное количество публикаций, посвященных антирелигиозной пропаганде в СССР в 1920–1930-х гг. в целом, в гуманитарной науке пока еще слабо осмыслен информативный сегмент визуально-антропологических источников по проблемам религиозности, созданный в ранний советский период отечественными исследователями. Многие из этих визуальных документов создавались как под влиянием разработчиков госплана атеистического просвещения в СССР, принадлежавших к руководящему слою советских антирелигиозников (А.В. Луначарского, Е.М. Ярославского, В.Д. Бонч-Бруевича и др.), так и силами ученых-религиоведов (В.Г. Богораза, Н.М. Маторина, А.А. Невского и др.). Во второй половине 1930-х гг. многие видные руководители обозначенного научно-го поля в СССР подверглись репрессиям, их тематические наработки были также «арестованы» – тем самым направление каталогизации конфессий оказалось обезглавлено и списа-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00277, <https://rscf.ru/project/25-28-00277/>

но в архив. Эти обстоятельства актуализируют значимость исследовательского обращения на современном этапе к спектру визуальных документов (кинофильмов, фотографий, рисунков и др.) по истории религиозности в СССР в 1920–1930-х гг., включая образцы религиозно-бытовых карт. Работа с этими специфическими источниками требует междисциплинарного анализа с применением историко-антропологических, визуально-антропологических и религиозоведческих подходов.

Как показывает обращение к текстовым и визуальным источникам раннесоветского периода, в осуществлении антирелигиозной пропаганды в 1920–1930-е гг. наблюдалась тенденция перехода от периода «бури и натиска», «штурма небес» к определенному смягчению антирелигиозной политики. Признавалось, что антирелигиозная работа должна быть нацелена на более плавное, но систематическое распространение научных идей и социологический анализ современной религиозности. Для этого требовалось детальное академическое изучение официального и бытового уровней религий в СССР с привлечением локального этнографического материала [1, с. 255].

В 1925 г. в Ленинграде интенсифицировалась деятельность областного совета Союза воинствующих безбожников (СВБ) и Ленинградского отделения Комкадемии. Были параллельно организованы Всесоюзная передвижная антирелигиозная выставка, мощный Ленинградский государственный антирелигиозный музей. Для целостного и систематического исследования различных конфессий в 1928 г. исследователь религии Н.М. Маторин (1898–1936) организовал в Ленинграде научно-исследовательскую секцию по изучению религиозного синкретизма. Данная секция имела филиалы в разных городах Союза (Калинин, Воронеж, Чебоксары и др.), опиралась в своей работе на сеть научных корреспондентов на местах, вела методическую работу по составлению религиозно-бытовых карт [1, с. 71].

С целью проведения антирелигиозной пропаганды в различные регионы Союза (Поволжье, Кавказ, Северо-Запад, Север и др.) в 1920–1930-е гг. научными сотрудниками и пропагандистами СВБ, в том числе членами секции Н.М. Маторина, организовывались научно-исследовательские экспедиции по изучению религиозной ситуации в СССР. В ходе экспедиционной работы изучались религиозные верования и бытовые пережитки коренных народностей, собирались детальные сведения о темпах и характере атеистической работы на местах, проектировались методы перспективной антирелигиозной деятельности. Например, в 1929 г. экспедиционная работа ленинградских исследователей, изучавших чувашское язычество, православие и сектантство, проводилась в Билярском районе Татарской Республики. В 1930 г. под руководством Н.М. Маторина была организована экспедиция по изучению религиозного быта сектантов в Нижневолжском крае, в которую входил киноработник А.Н. Терской. В 1931 г. Научно-исследовательский отдел ЦС СВБ совместно с Институтом по изучению народов СССР, Институтом по изучению народов Востока и рядом других учреждений организовал 19 отдельных экспедиций, которые обследовали 34 района, в том числе 19 национальных [2].

В ходе экспедиционных работ апробировались различные методики сбора и анализа полученных материалов: непосредственные живые этнографические наблюдения, работа с архивными и книжными источниками, анализ музейных коллекций, посвященных отражению православного культа, фотографирование мольбищ, «святых мест», составление схем, чертежей, рисунков, диаграмм и т. п. Н.М. Маторин полагал, что именно экспедиционная работа особенно важна для воспитания компетентных антирелигиозных кадров [1, с. 32].

Собиравшиеся в экспедициях этнографические материалы зачастую опровергали официальные доклады пропагандистов о повсеместном распространении атеизма. Данные, полученные историками, этнографами, фольклористами, религиоведами, на локальном уровне демонстрировали наличие довольно сложной картины сохранения «бытовой религиозности», сектантской и старообрядческой психологии, ее способность мимикрии в условиях советской идеологии – подобные формулировки о глубоком распространении религиозности находят подтверждение и в архивных справках Обкома ВКП(б) 1929–1930 гг. [3–5]. Можно

согласиться с замечанием, что советская антирелигиозная политика породила парадоксальную ситуацию: с одной стороны, она вела к сворачиванию деятельности официальных религиозных институций, с другой стороны, способствовала росту стихийной бытовой религиозности [6, с. 40].

В этом контексте обращение к опыту Чувашии, как примеру преломления общесоюзной антирелигиозной политики в национальных регионах, открывает особые перспективы для осмысления религиозности в многонациональном и разноукладном пространстве СССР. Во-первых, Чувашия занимала достаточно отдаленное расположение относительно столицы Союза ССР, большая часть населения ее в период культурной революции была неграмотной, занималась преимущественно сельским хозяйством и поддерживала консервативный семейно-бытовой уклад. Во-вторых, Чувашская Республика, являясь перекрестком тюркской, финно-угорской и славянской культур, представляла собой пространство взаимодействия разнообразных конфессий и сохраняла весь спектр так называемых религиозных пережитков и культов.

Не случайно Н.М. Маторин в 1934 г. подчеркивал: «В Чувашии материал чрезвычайно обширен. Интересно обновленчество и сектантство... (Энергичная работа мусульман). Ураза и курбан-байрам держатся очень крепко» [1, с. 191]. По данным архивов местного отделения НКВД, в 1929 г. в Чувашской Республике имелось 260 приходов церквей, до апреля 1930 г. функционировало 219. Отмечалась даже активизация церковников к открытой агитации против советской власти в периоды массовых собраний населения, например, в ходе проведения сезонных хлебозаготовок [3, л. 84]. В силу упомянутых особенностей социально-экономического уклада реализация антирелигиозной политики в Чувашии проходила иначе, чем в других регионах.

Религиозный ландшафт Чувашской Республики в 1920–1930-х гг.

Как не раз отмечалось в отчетах партийных историков, устойчивое сохранение разнообразных культов в Чувашии было главным обстоятельством, препятствующим проведению планомерной и эффективной антирелигиозной работы в крае. В частности, А.Г. Аполлов, составитель раздела по верованиям чувашей в общесоюзном этнографическом сборнике, писал: «У чувашей православие и мусульманство являлись только официальной религией. По существу, чуваша до сих пор в большей мере остаются язычниками с ярко выраженным земледельческим культом» [7, с. 250]. Сохранение синкретического характера мировоззрения народов Поволжья фиксировал в своем фундаментальном исследовании, посвященном историко-этнографическому анализу религий народов Волжско-Камского края, и Н.М. Маторин [8].

Выводы ленинградских исследователей о многослойности религиозной надстройки в Чувашии находили эмпирическое подтверждение со стороны местных этнографов и краеведов. Так, в этнографических отчетах, составленных сотрудниками Центрального чувашского музея и членами Общества изучения местного (Чувашского) края, отмечалось, что при изучении религиозности чувашского населения выявлены пережитки культа природы, проявлявшиеся в виде жертвоприношений святым источникам, сохранялось почитание душ умерших предков путем устройства поминок с жертвоприношениями на их могилах, были отмечены пережитки культа «йерех» – божества-покровителя рода и хранителя домашнего очага. Конкретный материал по религиозности чувашей был получен в 1933 г. экспедицией Чувашского научно-исследовательского института по изучению культуры и быта сельского населения, когда участниками экспедиции по специально составленной программе была обследована в 18 районах 21 деревня с общим числом населения 23 755 человек. Полученные данные продемонстрировали, что в обследованных чувашских селениях на 1000 человек приходилось всего 47 человек, постоянно посещавших церковь, а нерегулярно исполняющих церковные обряды – 231 человек [8, с. 460].

Ценные сведения о состоянии религиозности в Чувашии были получены также в результате социологического исследования чувашских деревень, проведенного этнографом

С.С. Кутяшовым в 1931 г. Он, в частности, отмечал, что чувашаи не ограничиваются молениями православному богу, а обращаются к своему старому богу – Киремет¹, приносят ему жертвы, собираясь всем обществом. Эти старые верования чувашей представляют из себя в известной степени миропонимание, согласно которому мир управляется добрыми (сюльти тура) и злыми богами (шуйтан, варманты и др.), которым надо приносить жертвы, а с другой стороны, в нем имеются остатки культа мертвых (вильнитытат). Массовые обряды жертвоприношения обычно приурочены к тому или иному периоду сельскохозяйственного года. Индивидуальные мелкие приношения практикуются стариками чувашами до настоящего времени на местах пребывания богов – в кустарниках, оврагах, лесах и полях и т. д. [4, л. 73].

Кроме веры в киремет – мест совершения обрядовых молений и жертвоприношений – чувашский экспедиционный отряд под руководством С. Кутяшова собрал богатый материал, характеризующий деятельность на территории Чувашии сектантов – краснодраконовцев, евангелистов, хлыстов, баптистов, а также церковных организаций (тихоновцы, обновленцы, автокефальные приходы). По архивным данным, сектантов насчитывалось около 1200–1300 человек. Основную группу составляли старообрядцы разных толков (до 400–800 человек) [4, л. 74].

Самой многочисленной была секта последователей истинно православной веры. В ее число входили монашки-отшельницы, старцы и божьи люди, проводившие всю жизнь в паломничествах по монастырям и святым местам. Свой разрыв с православной церковью последователи истинно православной веры объясняли тем, что «в настоящее время на церковь наложена печать антихриста», а «православная вера искажена» [5, л. 35]. По данным 1929 г., в девяти районах Чувашии насчитывалось 435 истинно православных, из них 235 человек проживало в Аликовском и Канашском районах [8, с. 315]. Отказ от всего советского, запрет приобретать и употреблять предметы советского производства, отказ от вступления в колхозы, отрыв детей от школы являлись основными условиями приема в группу [3, л. 111].

Второй по численности группой сектантов являлись баптисты, населявшие русские районы Чувашской Республики – Алатырский и Порецкий, а также Ядринский и Чебоксарский районы. В отчетах антирелигиозников отмечались методы работы баптистов: «собрания проходят в крестьянских домах, дома чистые, не курят, обстановка похожа на церковную. Народу бывает много на их собраниях, даже на сходах не бывает столько народу, вовлекают и принимают очень вежливо, уговаривают, хорошо снабжают литературой. Баптисты имеют связи Чебоксары – Саратов – Нижний Новгород – Москва и пользуются нашей слабостью в антирелигиозной работе для распространения влияния. Баптистов в 1927 г. было 100 чел., в 1929 – 110 чел., последователей истинной православной веры в 1927 – 300–400 чел., в 1929 – 435 чел.» [3, л. 111–113].

Характерно, что высокий уровень религиозного сознания использовался в крае, помимо прочего, и как инструмент подъема чувашского национального самосознания, а в научном плане – для актуализации изучения проблемы этногенеза чувашей, о чем также указывалось в партийных докладах [4]. В отчете ЦК РКП(б) за 1918 г. специально было отмечено, что для чувашей, черемис, вотяков, мордвы религия и означала культуру [8, с. 164]. На съезде нерусских народов Поволжья в 1929 г. утверждалось: «Взгляните, как близки наши жизненные интересы... что нужно чувашину, то же мари, мордве, вотяку, зырянину и т. д. Наши дети увидят возрождение наших народов, этому зданию возрождения мы кладем первый твердый камень, камень фундамента. И камень этот – святое единение народностей» [8, с. 164].

В целом собранные фактические материалы свидетельствовали о том, что в Чувашии (особенно в условиях сельской местности) метод «летучей» антирелигиозной агитации оказывался малоэффективен [9, л. 10]. Имевшиеся в Чувашии случаи лобового наступления на религию вызывали протестные настроения². В том числе вызывало враждебность со стороны

¹ В источниках встречаются вариации: *Киремет, Киремэт, Керемет*.

² Подобный пример ранней антирелигиозной пропаганды в Чувашии упоминается в книге «Комсомол в деревне» (1926): «Есть близ деревни Чешламы Богородской волости священное дерево, в котором проживает грозный дух Кереметь. Мимо

верующего чувашского населения то, что на запретных местах – киреметищах – коммунары создавали пасечные хозяйства, безбоязненно расчищали в хозяйственных целях священные рощи, на склонах оврагов – обиталищ злых духов – закладывали фруктовые сады, распахи-вали участки, которые раньше набожные чуваша с трепетом обходили стороной [8, с. 393]. Просветительская работа в крае не соответствовала уровню религиозной модернизации: не было в достаточной степени подготовленных пропагандистов, знающих язык местного населения (чуваш, татар и мордвы); было крайне мало изб-читален, клубов, домов культуры, на местах не хватало литературы на национальных языках и литературы антирелигиозного характера [9, л. 25]. Например, в Чебоксарах в 1926 г. газету «Безбожник» выписывали 12 человек, а журнал «Безбожник» – один человек [10, л. 153], в силу чего визуальная пропаганда через антирелигиозный плакат и карикатуру не являлась действенной.

Исходя из этого, согласно постановлениям Чувашского обкома ВКП(б), утверждалось, что антирелигиозная пропаганда в деревне должна носить характер спокойной, осторожной беседы, углубленно-пропагандистского воздействия на сознание слушателей [5, л. 37]. Отно-сительно сектантов Чувашский обком ВКП(б) рекомендовал принимать во внимание их замкнутый характер жизни и деятельности, усилить товарищеское сближение с ними и вести с членами религиозных сект индивидуальную пропаганду [12, л. 344].

В резолюциях Первого Всечувашского краеведческого съезда в г. Чебоксарах (15–21 июня 1928 г.) рекомендовалось сделать культурное наследие прошлого доступным для трудящихся, обеспечить плановой и повседневной работой организацию культуры нового, социалистическо-го строя [13, с. 102]. Выполнение этих директив потребовало разработки новой стратегии в про-ведении антирелигиозной работы, а именно – обращения к научному изучению локального эт-нографического и краеведческого материала. Таким образом, в период 1920–1930-х гг. Чувашия стала одной из заметных локаций в плане развития краеведческой и этнографической научно-исследовательской работы, в ходе которой места религиозных культов чувашей характеризова-лись как значимые для изучения культурные артефакты.

Картографирование культов Чувашии

Необходимость изучения религиозной ситуации в регионах в контексте краеведческого подхода отстаивал в изучаемый период уже упоминавшийся выше Н.М. Маторин. Краевед-ческий подход он понимал как широкий охват материала – от изучения местных производи-тельных сил и экономики района до исторически сложившихся особенностей идеологиче-ской надстройки, мировоззрения масс. Данный подход включал в себя и учет национального момента, играющего значительную роль при многоплеменном составе СССР [14, с. 40, 43].

Важным методологическим инструментом в краеведческом изучении религии Н.М. Ма-торин считал составление так называемых религиозно-бытовых карт с обозначением всех дей-ствующих и уже не функционирующих культовых объектов. По своему масштабу карты должны были быть составлены таким образом, чтобы они могли вместить в себя все религиоз-ные объекты и вместе с тем не быть избыточными для исследователя. По словам Н.М. Мато-рина, «сведение всех этих карт воедино должно дать карту “православного язычества” у наро-дов СССР. По типу указанной карты можно составлять и карты для иллюстрации чисто языче-ских культов ислама, католицизма и т. д.» [1, с. 255].

Цель составления религиозно-бытовых карт как формы измерения, описания и репре-зентации пространственных процессов этнокультурного разнообразия, согласно Н.М. Мато-

этого дерева прежде не проходили или обходили кругом. Надо было молчать и в особенности не ругаться, чтобы Кереметь не принял на собственный счет. Как-то раз во время гулянки один комсомолец подошел к священному дереву и на глазах у всех исполнил под деревом естественную нужду, потом несколько раз неприлично выругался. Дерево было осквернено. Ну что, что сделалось? – наглядно подтверждал комсомолец. – Ровно ничего не сделалось. Ничего не болит. И никогда не заболит. Только спросите, – когда хотите, – покажу» [11, с. 162].

рину, это – выявление дислокации сил классового врага в условиях проведения антирелигиозной пропаганды. На картах, помимо церквей, часовен, мечетей, священных колодцев, камней, мольбищ всякого рода, должны быть нанесены и культурные учреждения изучаемого района. Религиозные карты, как отмечал Маторин, должны быть во всех организациях СБВ, снизу доверху, как инструмент контроля за религиозной ситуацией в СССР [14, с. 44].

Одним из районов, наряду с Ленинградской областью, Карелией, Сванией, Севером и др., в которых была апробирована методика составления религиозно-бытовых карт в ходе антирелигиозной кампании 1920–1930-х гг., стала Чувашия. Организационными базами развития краеведения в Чувашской Республике являлись Центральный чувашский музей и Общество изучения местного (Чувашского) края, открытые в 1921 г. В их компетенции находились ключевые программы исторического, этнографического и археологического изучения края. При содействии сотрудников Центрального музея народоведения СССР, Государственного музея этнографии, ГАИМК, Яфетического института, неоднократно посещавших Чувашию, проводились экспедиции и проходили стажировку чувашские аспиранты и студенты, пополнявшие ряды сотрудников местных краеведческих институций [15, л. 79]. Так, в Обществе изучения местного края в 1926 г. состояло 155 действительных членов и корреспондентов, которые в числе прочих исследовательских работ пополняли и тематические визуальные архивы: фотографировали памятники и собирали хранящиеся у частных лиц визуально-исторические документы. Ответственность за составление религиозно-бытовой карты Чувашии также распространилась на местных специалистов.

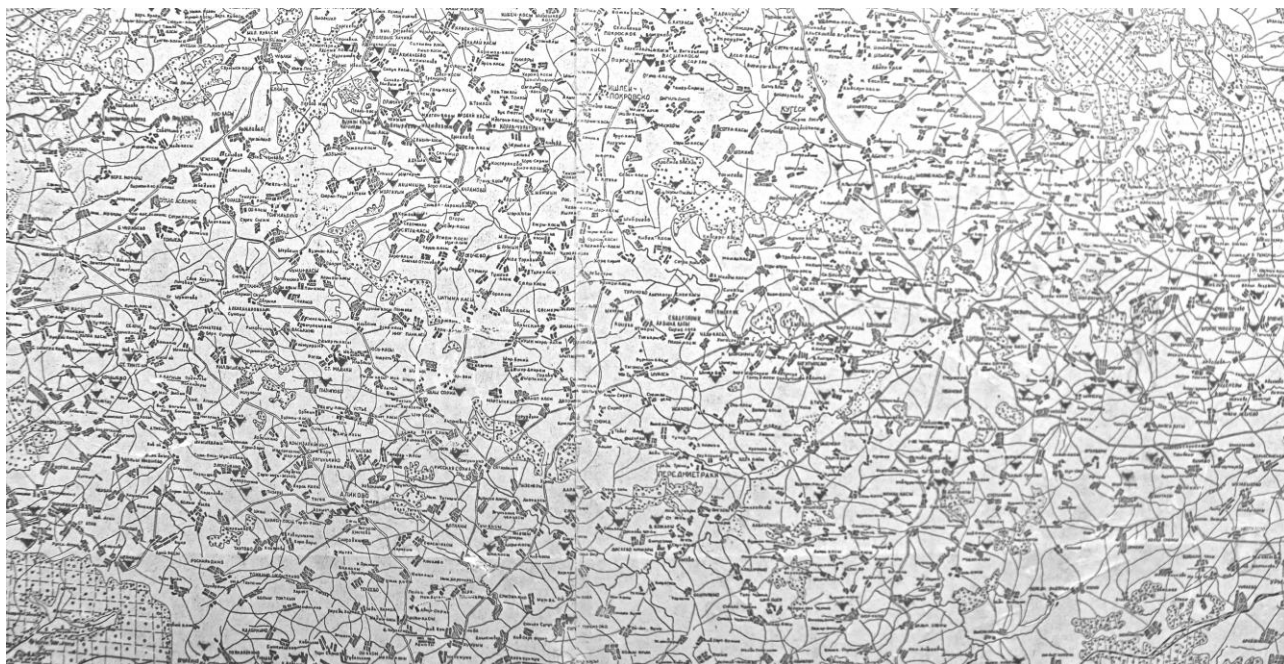
Значительный объем работ по регистрации археологических памятников и культовых сооружений Чувашии в 1920-е гг. был проделан участником маторинской научно-исследовательской группы – этнографом и краеведом Кузьмой Васильевичем Элле (1896–1974). С 1926 г. он работал секретарем правления Общества изучения местного края в Чебоксарах. А в 1928–1933 гг. К.В. Элле был аспирантом ГАИМК. Теоретические и организационные работы он совмещал с регулярными экспедициями на территории Чувашии: он методично проводил этнографические исследования в крае, собирал артефакты на известных археологических памятниках – Изванкинском городище, Криушской стоянке и др., осуществлял раскопки на месте находки клада в Порецком районе в 1928 г. В 1930-е гг. К.В. Элле являлся также сотрудником Чувашского НИИ социально-культурного строительства и директором научной библиотеки в Чебоксарах и в 1935 г. опубликовал первый в библиографии института историко-этнографический труд под названием «Акатуй», переосмыслив традиционный обрядовый праздник в марксистском идеологическом ключе³.

В ходе экспедиций по Чувашии, переписки с местными краеведами, сбора информации по специально разосланным анкетам К.В. Элле совместно с исследователем и священником Н.А. Архангельским⁴ удалось собрать обширный материал, касающийся древностей Чувашии и связанных с ними легенд и преданий. И особый акцент в этой работе делался на описание священных мест, связанных с верованиями чувашей. В условиях уничтожения и переосвоения обрядовых пространств, включая христианские храмы и языческие святилища, активно проходивших в изучаемый период, К.В. Элле отмечал необходимость развития в Чувашии практик визуализации (в том числе картографирования) религиозных объектов. Он писал: «Археологические остатки Чувашского края, подвергаясь ежегодно безжалостному разрушению стихии и рук бессознательных граждан, бесследно исчезают с лица земли, оставив после себя одни лишь воспоминания. Ее остатки по сие время еще не занесены должным образом на карту» [17, л. 79]. Неслучайно в хранящихся в Научном архиве Чуваш-

³ К.В. Элле писал: «Старинный чувашский праздник “Акатуй” переосмыслен и использован в настоящее время для подведения итогов большевистской борьбы за социалистическое земледелие и за устройство массовых народных игр и торжеств после окончания весенних полевых работ» [16, с. 25].

⁴ Николай Александрович Архангельский (1961–1931) – священник, автор исследований по археологии, этнографии, церковной истории, действительный член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

ского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН) сборах К.В. Элле имеется внушительное количество картографических материалов по топонимической тематике, в том числе и по киреметям. Текстовые описания священных мест (с названиями-производными от наименований районов и сел) приводятся в подробно составленных карточках [17]. И особой уникальной единицей хранения, основанной на материалах этого фонда, является карта киреметей, созданная К.В. Элле в 1936 г. Этот полутораметровый макет выполнен на картоне, где на основе вычерченной по трафарету карте Чувашии были графически (треугольниками красного цвета) обозначены места расположения киреметей. Общее число киреметных мест на карте К.В. Элле составляет 144 единицы. По сведениям сотрудников архива, этот макет, до сих пор не имеющий учетной регистрации в архивном фонде ЧГИГН, в силу своих параметров и размеров не оцифровывался. В настоящей статье фотографическое изображение этой карты публикуется впервые (рисунок).

Карта киреметей Чувашии. К.В. Элле. 1936. Фото из личного архива авторов

Итогом совместной исследовательской деятельности К.В. Элле и Н.А. Архангельского стала четырехтомная рукопись «Топонимика Чувашии. Древности Чувашской АССР», составленная в 1928–1930 гг. Эта работа, привлекавшая внимание исследователей с момента своего оформления и до наших дней, так же как и архивная «карта Элле», не была опубликована. Хотя сами разработки чувашского ученого в области религиозного картографирования, созданные в период расцвета антирелигиозной кампании, активно использовались исследователями при составлении карт Чувашского края в более поздний период. В частности, упомянутая рукопись К.В. Элле и Н.А. Архангельского стала основой «Археологической карты Чувашской АССР», оформленной К.В. Элле при участии художника А.А. Родионова уже в 1947–1948 гг., которая сопровождалась алфавитным каталогом и справочником, включала описание историко-культурных памятников [18].

Как видно, задуманная изначально как опытная технология визуализации для контроля и последующего подавления религиозной жизни в Чувашии, согласно инициативе, исходившей от ленинградской маторинской научно-исследовательской секции, религиозно-бытовая карта Чувашии осталась в истории как нейтральный научный инструмент, ориентир при проведении историко-краеведческих работ в регионе. И использовалась она прежде всего узким сообществом ученых – для внутреннего изучения и учета археологических и этнографических

памятников. В силу сворачивания активности ленинградской секции Н.М. Маторина с середины 1930-х гг., репрессивной политики в отношении ученых-религиоведов, занимавшихся исследованием состояния конфессий в СССР и собиравших материалы для Всесоюзной переписи населения 1937 г. [19], проектировавшийся упомянутым кругом исследователей «атлас конфессий» не был завершен, а отдельные реализованные опыты, включая карту Элле, так и не стали применимыми инструментами в раннесоветской антирелигиозной кампании.

Заключение

Проанализированный материал позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, поскольку причины и обстоятельства формирования региональных векторов антирелигиозной кампании 1920–1930-х гг. до сих пор не осмыслены в должной степени, не изучены различные виды антирелигиозной пропаганды и степень их реализации на местах, обращение к соответствующим локальным практикам представляет особый интерес. Рассмотрение примеров использования ресурсов визуализации в ходе реализации антирелигиозной политики на региональном уровне дает возможность оценить синкретичную самопрезентацию национальных автономий в переходный советский период.

Для визуальной антропологии и религиоведения обращение к этим материалам вековой давности имеет особую исследовательскую перспективу. Ведь они наглядно демонстрируют, что в рамках развития отечественного религиоведения в период «культурной революции» научными сотрудниками как в центре, так и на местах были поставлены вопросы не только тщательной систематизации и детальной характеристики состояния вероучений и конфессий в раннесоветский переходный период, но и впервые в советской этнографии была обозначена проблематика и методология визуализации религиозных ландшафтов. Важным ее компонентом являлась, в частности, практика картографирования религиозных объектов в различных регионах СССР.

Во-вторых, как показывают архивные материалы, проанализированные в данной работе, процессы антирелигиозной пропаганды в Чувашии в 1920–1930-е гг. имели свою специфику в силу социально-экономических особенностей региона и сохранения в нем различных религиозных практик. Религиозный ландшафт Чувашии в раннесоветский период демонстрировал сложность этноконфессионального состава республики, присутствие в ней религиозного синкретизма и устойчивых элементов бытовой религиозности. В силу этого прямые методы атеистической пропаганды (в том числе визуальная пропаганда в виде антирелигиозной карикатуры и плаката в безбожной прессе), во-многом действенные для центральных районов, в Чувашии вплоть до середины 1930-х гг. оказывались малоэффективными.

В-третьих, системная краеведческая работа в области изучения религиозных культов, инициированная ленинградскими исследователями под руководством Н.М. Маторина, но выполненная сотрудниками местных организаций, обусловила необходимость использования более аккуратных методик антирелигиозной политики, основанных на тщательном археологическом, этнографическом, историческом изучении памятников старины в крае для их последующей десаκραлизации и переосвоения. Особую роль в этом направлении сыграла деятельность незаслуженно забытого чувашского этнографа К.В. Элле, члена маторинской секции, чьи разработки в области картографирования религиозных культов Чувашии (карта Элле) и современной трансформации древних чувашских праздников (Красный Акатуй) стали яркой страницей в разработке траектории идеологической политики в рамках антирелигиозной кампании в чувашском крае в 1920–1930-х гг. Актуализация корпуса архивных опытов визуальной репрезентации этноконфессиональных сюжетов, отразивших состояние культурной революции в национальных регионах СССР в 1920–1930-х гг. (кино-, фото-, картографические и т. п. материалы) [20], помимо источниковой ценности, имеет методическую и прикладную значимость, востребованную в современных антропологических исследованиях.

Список источников

1. Шахнович М.М., Чумакова Т.В. Идеология и наука: изучение религии в эпоху культурной революции в СССР. СПб.: Наука, 2016. 367 с.
2. Головнева Е.В., Головнев И.А. Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1920–1930-е гг.: академический дискурс и концептуально-теоретические основы развития антирелигиозного кинематографа // *Studia Religiosa Rossica*: научный журнал о религии. 2025. № 2. С. 132–149.
3. Архив социально-политической истории Чувашской Республики. Ф. 1. Оп. 10. Д. 238.
4. Архив социально-политической истории Чувашской Республики. Ф. 1. Оп. 8. Д. 213.
5. Архив социально-политической истории Чувашской Республики. Ф. 1. Оп. 8. Д. 212.
6. Мазур Л.Н., Горбачев О.В. Визуальные репрезентации религиозной жизни советского общества в художественном кинематографе 1920–1980-х гг.: источниковедческий анализ // *Вестник Вятского государственного университета*. 2013. № 3 (1). С. 40–52.
7. Религиозные верования народов СССР. Сборник этнографических материалов / под общ. ред. В.К. Николаевского. Т. 2. М.; Л.: Московский рабочий, 1931. 392 с.
8. Денисов П.В. Религия и атеизм чувашского народа. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1972. 478 с.
9. Архив социально-политической истории Чувашской Республики. Ф. 1. Оп. 5. Д. 40.
10. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. 1. Оп. 7. Д. 202.
11. Линевский А. Чувашский комсомол // *Комсомол в деревне. Очерки* / под ред. В.Г. Тан-Богораз. М.; Л: Гос. изд-во, 1926. С. 158–169.
12. Архив социально-политической истории Чувашской Республики. Ф. 1. Оп. 8. Д. 143.
13. Первый Всечувашский краеведческий съезд (15–21 июня 1928 г. в г. Чебоксары ЧАССР). Тезисы докладов и резолюций. Чебоксары: Общество изучения Чувашского края, 1929. 133 с.
14. Маторин М.Н. Краеведение и антирелигиозная пропаганда // *Антирелигиозник*. 1930. № 1. С. 40–45.
15. Государственный исторический архив Чувашской Республики (Общество изучения местного края) (ГАСИ ЧР). Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 21.
16. Элле К.В. Акатуй. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1935. 44 с.
17. Элле К.В., Архангельский Н.А. Древности Чувашской АССР // *НА ЧГИГН*. Отд. I. Ед. хр. 580 (7034).
18. Элле К.В. Археологическая карта Чувашской АССР // *НА ЧГИГН*. Отд. I. Ед. хр. 584 (7044).
19. Чумакова Т. «Карта религий» для неудавшейся Всесоюзной переписи 1937 г.: забытая страница советского религиоведения // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2012. № 3–4 (30). С. 106–133.
20. Головнев И.А., Головнева Е.В. Киноатлас СССР: «Бухара» (1927) // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2023. № 2 (40). С. 90–99.

Головнева Елена Валентиновна.

Доктор философских наук, доцент,

профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии.

Санкт-Петербургский государственный университет.

Ул. Смольного, 1/3, 9-й подъезд, Санкт-Петербург, 191124.

E-mail: golovneva.elena@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-0709-4615;

SPIN-код: 3582-7945; WoS Researcher ID: AAV-1831-2020;

Scopus Author ID: 57190867645.

Головнев Иван Андреевич.

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник.

Центр Арктических исследований Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034.

E-mail: golovnev.ivan@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-4866-7122;

SPIN-код: 4460-6213; WoS Researcher ID: AAC-8728-2019;

Scopus Author ID: 57192830550.

Материал поступил в редакцию 16 августа 2025 г.

EXPERIMENTS IN THE STUDY AND VISUALIZATION OF RELIGIOSITY IN CHUVASHIA IN THE CONTEXT OF ANTI-RELIGIOUS PROPAGANDA OF THE 1920–1930s*

This article examines the impact of Soviet atheist policy and the specifics of the antireligious campaign in the national republics during the 1920s and 1930s, with a focus on Chuvashia. Drawing on archival materials newly introduced into scholarly circulation, the authors show that a high level of everyday religiosity, represented by various religious “remnants,” persisted in the Chuvash Republic. The low effectiveness of direct campaigning, amid persistent religious syncretism and the complex religious landscape in multi-confessional regions of the USSR such as Chuvashia, compelled government ideologists to change tactics and activate the resources of scientific atheism. A key instrument of the new strategy was a detailed academic study of the current state of confessions in the Soviet Union, initiated by the Center (Leningrad Scientific Research Section of N. M. Matorin) and carried out in the regions by local historians. The particular development of religious atheism in the 1920s and 1930s was not coincidental. The practice of compiling religious and everyday maps became an important area in the academic study and mapping of religious sites during the period. The authors examine the phenomenon of religious mapping as a technology for the development, control, and subsequent suppression of religious life. An active promoter of this approach, which combined research and ideological objectives, was the ethnographer K. Elle (1896–1974), a member of Matorin’s Research Group. His work on creating catalogs and maps of historical and cultural heritage sites (using Kiremet’s map as an example) is reconstructed from archival sources. The practice of mapping religious sites in Chuvashia in the 1920s and 1930s, initially conceived as a tool for preserving unique religious and cultural locations and practices for science, simultaneously served as a precise spatial reference for their subsequent elimination as part of the “Cultural Revolution” policy. Moreover, due to the state’s repressive policies against religious scholars in the mid-1930s and the curtailment of academic research in religious studies, this work was not fully developed. It did not become an effective tool in the anti-religious campaign. However, the implementation of these experiments for mapping religious sites, which became a significant stage in the USSR’s atheist policy, has multifaceted informational value for understanding the complex phenomena of Soviet ideological development.

Keywords: *religious studies, Soviet antireligious propaganda, cultural revolution, visual politics, religious mapping, Chuvashia, N. Matorin, K.V. Elle*

References

1. Shakhnovich M.M., Chumakova T.V. *Ideologiya i nauka: izuchenie religii v epokhu kul’turnoy revolyutsii v SSSR* [Ideology and science: the study of religion during the cultural revolution in the USSR]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016. 367 p. (in Russian).
2. Golovneva E.V., Golovnev I.A. Antireligioznaya propaganda v SSSR v 1920–1930-e gg.: akademicheskii diskurs i kontseptual’no-teoreticheskie osnovy razvitiya antireligioznogo kinematografa [Anti-religious propaganda in the USSR in the 1920s–1930s: academic discourse and conceptual-theoretical foundations of the development of anti-religious cinematography]. *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, 2025, no. 2, pp. 132–149 (in Russian).
3. *Arkhiv sotsial’no-politicheskoy istorii Chuvashskoy Respubliki*. F. 1. Op. 10. D. 238.
4. *Arkhiv sotsial’no-politicheskoy istorii Chuvashskoy Respubliki*. F. 1. Op. 8. D. 213.
5. *Arkhiv sotsial’no-politicheskoy istorii Chuvashskoy Respubliki*. F. 1. Op. 8. D. 212.
6. Mazur L.N., Gorbachev O.V. Vizual’nye reprezentatsii religioznoy zhizni sovetskogo obshchestva v khudozhestvennom kinematographe 1920–1980-kh gg.: istochnikovedcheskiy analiz [Visual representations of religious life of Soviet society in feature films of the 1920s–1980s: source study analysis]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*, 2013, no. 3 (1), pp. 40–52 (in Russian).
7. Nikol’skiy V.K. (ed.) *Religioznye verovaniya narodov SSSR. Sbornik etnograficheskikh materialov* [Religious beliefs of the peoples of the USSR. Collection of ethnographic materials]. Vol. 2. Moscow; Leningrad, Moskovskiy rabochiy Publ., 1931. 392 p. (in Russian).
8. Denisov P.V. *Religiya i ateizm chuvashskogo naroda* [Religion and atheism of the Chuvash people]. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1972. 478 p. (in Russian).
9. *Arkhiv sotsial’no-politicheskoy istorii Chuvashskoy Respubliki*. F. 1. Op. 5. D. 40.
10. *Gosudarstvennyy arkhiv sovremennoy istorii Chuvashskoy Respubliki (GASI ChR)*. F. 1. Op. 7. D. 202.

* The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-00277, <https://rscf.ru/project/25-28-00277/>

11. Linevskiy A. Chuvashskiy komsomol [Chuvash Komsomol]. In: *Komsomol v derevne. Ocherki* [Komsomol in the village. Essays]. Moscow; Leningrad, Gos. izd-vo Publ., 1926. Pp. 158–169 (in Russian).
12. Arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Chuvashskoy Respubliki. F. 1. Op. 8. D. 143.
13. Pervyy Vsechuvashskiy kraevedcheskiy s'ezd (15–21 iyunya 1928 g. v g. Cheboksary ChASSR). *Tezisy dokladov i rezolyutsiy* [The First All-Chuvash Regional Studies Congress (15–21 June 1928 in Cheboksary, Chuvash ASSR). Abstracts of reports and resolutions]. Cheboksary, Obshchestvo izucheniya Chuvashskogo kraya Publ., 1929. 133 p. (in Russian).
14. Matorin M.N. Kraevedenie i antireligioznaya propaganda [Regional studies and anti-religious propaganda]. *Anti-religioznik*, 1930, no. 1, pp. 40–45 (in Russian).
15. Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Chuvashskoy Respubliki (Obshchestvo izucheniya mestnogo kraya) (GASI ChR). F. R-333. Op. 1. D. 21.
16. Elle K.V. *Akatuy* [Akatuy]. Cheboksary, Chuvashskoe gos. izd-vo Publ., 1935. 44 p. (in Russian).
17. Elle K.V., Arkhangel'skiy N.A. *Drevnosti Chuvashskoy ASSR* [Antiquities of the Chuvash ASSR]. Chuvash State Institute of Humanities. Otd. I. Ed. khr. 580 (7034).
18. Elle K.V. *Arkheologicheskaya karta Chuvashskoy ASSR* [Archaeological map of the Chuvash ASSR]. Chuvash State Institute of Humanities. Otd. I. Ed. khr. 584 (7044).
19. Chumakova T. "Karta religiy" dlya neudavsheysya Vsesoyuznoy perepisi 1937 g.: zabytaya stranitsa sovetskogo religiovedeniya ["Map of religions" for the failed All-Union census of 1937: a forgotten page of Soviet religious studies]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 2012, no. 3–4 (30), pp. 106–133 (in Russian).
20. Golovnev I.A., Golovneva E.V. *Kinoatlas SSSR: "Bukhara" (1927)* [Cinema atlas of the USSR: "Bukhara" (1927)]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2023, no. 2 (40), pp. 90–99 (in Russian).

Elena V. Golovneva.

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor.

St. Petersburg State University.

Smolny Str., 1/3, Entrance 9, St. Petersburg, Russia, 191124.

E-mail: golovneva.elena@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-0709-4615;

SPIN-code: 3582-7945; WoS Researcher ID: AAV-1831-2020;

Scopus Author ID: 57190867645.

Ivan A. Golovnev.

Doctor of History, Senior Researcher.

Center for Arctic Studies of the MAE (Kunstkamera) RAS.

Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great RAS.

Universitetskaya embankment, 3, St. Petersburg, Russia, 199034.

E-mail: golovnev.ivan@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-4866-7122;

SPIN-code: 4460-6213; WoS Researcher ID: AAC-8728-2019;

Scopus Author ID: 57192830550.